

УЧЕНИЕ ГЕГЕЛЯ О НРАВСТВЕННОСТИ

К настоящему времени много написано о равнодушии Гегеля к вопросам нравственности, о «логизированности» его морали. Однако мы считаем, что этика Гегеля еще ждет своего исследователя. Если, как указывали классики марксизма, философия Гегеля представляет «еще и поныне поражающее богатство мыслей», то на каком основании нужно игнорировать учение Гегеля о нравственности? Данная статья – попытка разобраться в этой проблеме.

На наш взгляд, следует согласиться, что в самых ранних произведениях Гегеля основной интерес философа был сосредоточен в сфере социально-политической и морально-этической. Причиной тому было то обстоятельство, что в центре духовной жизни Германии находился в то время «религиозный вопрос». «Французский пример» немецкая буржуазия мерила сугубо моральными нормами, считая его самым изумительным переворотом из когда-либо совершавшихся в нравственном развитии человечества. Арсений Гулыга правомерно утверждает, что «гегелевская диалектика зарождается как средство решить этические проблемы» (1).

Опираясь на этические взгляды Канта и Фихте, молодой Гегель стремился преодолеть их недостатки, а именно дуализм долга и склонности, свободы и необходимости, акцентирование внимания на проблемах субъективной, личностной моральности. Приведем один пример гегелевского подхода к нравственно-религиозным проблемам. «Основной порок, лежащий в основе всей церковной системы, – это непризнание прав любой способности человеческого духа, особенно же первой среди них – разума; а если разум не признан и не понят церковной системой, то система церкви не может быть не чем иным, как системой презрения к людям» (2).

В это время Гегель еще намечает будущую программу собственных дальнейших исследований. И, судя по приводимому ниже фрагменту, этике будет отведено в ней не последнее место. Во фрагменте «Первая программа системы немецкого идеализма» Гегель намечает: «Этика. Так как в будущем вся метафизика будет относиться к морали – эту идею Кант на примере двух практических постулатов лишь проиллюстрировал, но не исчерпал, то этика станет не чем иным, как завершенной системой всех идей, или, что то же самое, всех практических постулатов».

Гегель предполагал «снизойти» в область физики, чтобы раскрыть структуру мира как

«моральной сущности», получить «большую физику», которая могла бы «удовлетворить творческий дух».

Переходя «к делам человеческим», Гегель ставит перед собой задачу: «Я покажу, что не существует идеи государства, ибо государство есть нечто механическое, так же как не может быть идеи машины. Идею составляет только то, что имеет своим предметом свободу. Следовательно, мы должны выйти за пределы государства! Ибо любое государство не может не рассматривать людей как механические шестеренки, а этого как раз нельзя делать, следовательно, оно должно исчезнуть». Далее следуют намерения разоблачить конституцию, правительство, законодательство. В заключении Гегель высказывает идею о необходимости создания мифологии разума и установления на ее основе вечного единства народа и философов, тогда воцарятся всеобщая свобода и равенство духа!

В статье «Система нравственности» (1802-1803) Гегель высказывает идеи, которые затем получают свое развертывание в «Философии права». В этой статье уже есть догадка о решающем значении производительности труда в становлении человека, постановка проблемы нравственного значения труда, анализ феномена отчуждения труда, стремление систематически исследовать процесс духовной жизни человека и попытки диалектического анализа нравственных отношений и категорий. Однако сохранялась переоценка места нравственных отношений в общественной жизни, что видно из попытки вывести из «идеи абсолютной нравственности» все многообразие общественного бытия, индивидуального и общественного сознания.

Гегель развивает мысль, что только народ как нравственное, рационально организованное целое может быть носителем идеала полного развертывания богатства способностей индивида. Однако удовлетворительного разрешения проблемы отношения личности и общества Гегель не нашел: у него целое, абсолют, общность все больше брали верх над индиви-

дом, отдельной личностью. Он склонялся к мысли, что «не единичность индивидуума является главным, а жизненность нравственной природы, божественность; единичный индивидуум слишком беден для ее существа, чтобы воспринять ее природу во всей ее реальности» (3).

«Абсолютный народ» Гегель делит на три сословия, принципом каждого из которых является определенная форма нравственности: сословие абсолютно свободной нравственности, сословие добропорядочности и сословие несвободной, грубой или природной нравственности.

Особый интерес для нас представляет анализ «Феноменологии духа», поскольку и для этической концепции это произведение представляет ее исток и тайну. В «Феноменологии духа» Гегель углубляет намеченную в «Системе нравственности» диалектику господства и рабства. Как отметил А.В. Гулыга, «Гегель убедительно показал, что рабство – всеобщее состояние: там, где есть рабы, никто не свободен» (4).

Маркс отметил односторонность позиции Гегеля, который «видит только положительную сторону труда, но не отрицательную... знает и признает только один вид труда, именно абстрактно-духовный труд» (5).

Гегель показывает логическую противоречивость и тавтологичность заповедей «Не лги» и «Возлюби ближнего как самого себя». Он обнаруживает, что кантовский категорический императив застревает на уровне долженствования, а потому не обладает действительностью.

Гегель анализирует противоречивую взаимосвязь этических категорий «нравственность», «нравственный мир», «нравственная деятельность», «мораль», «моральное сознание», «моральное воззрение», «моральный дух», «долг», «совесть», «добро и зло» и других. Он находит афористичные формулировки. Капиталистическое общество – «духовное животное царство и обман или сама суть дела». Якобинский террор – «абсолютная свобода и ужас».

Следующим этапом в развитии представлений Гегеля о морали явилась «Философия права». Здесь Гегель впервые предпринял попытку «развести» категории «мораль» и «нравственность». Он развивает учение о необходимости частной собственности и резко критикует идею «общности имущества». Право предстает как система запретов, ограничивающихся отрицательным предписанием не нарушать прав личности и всего, что из них вытекает.

Гегель обосновывает необходимость перехода от абстрактного труда к морали.

В сфере морали вопрос о мотиве воли и намерениях субъекта становится главным. Ведь свобода может быть реализована лишь в субъективной воле, сознательно самоопределяющей свое содержание. Человек, желающий, чтобы о нем судили по его воле, свободен независимо от внешних обстоятельств, ибо его моральная воля недоступна для внешнего вторжения, насилия. Гегель приходит к глубокому выводу: «Ценность человека определяется его внутренним поведением, и точка зрения морали есть, таким образом, для себя сущая свобода» (6).

Гегель вкладывает различные смыслы в понятия «мораль» и «нравственность». Понятие «моральное» – более широкое понятие, оно означает не только морально-доброе, а охватывает определенность внутреннего содержания воли независимо от его моральной оценки как доброго или злого. У греков до Сократа существовала практически неосознаваемая привычка гражданина полиса следовать требованиям разумных «божественных заповедей». Моральная точка зрения возникла, по утверждению Гегеля, в период разложения афинской демократии. Смыслом и принципом этого процесса является «становящийся свободным для себя внутренний мир».

Открыл мораль Сократ, учивший, что человек должен обратиться к углубленному изучению своего внутреннего мира, найти в нем истоки добра и справедливости и убедиться в том, что они всеобщие по своей природе. Сократ придал философско-этический статус изречению дельфийского оракула: «Познай самого себя». Этот тезис Гегель называл «абсолютной заповедью», «собственным абсолютным законом духа». Гегеля уточняет: «Так как этическое есть отчасти нравственность, отчасти мораль, то надо прибавить, что умение Сократа есть, собственно говоря, мораль, потому что преобладающим моментом в нем является субъективная сторона» (7).

В качестве «философии субъективности» моральная философия оказывается выше формального права, содержащего одни запреты. Однако о человеке следует судить не только по его намерениям, не по одной только «субъективности воления», а по реальным делам, по поступкам. «Ряд поступков субъекта, то и есть он» (8). Человек не только должен стремиться к большим целям, желать чего-то великого, но

уметь реализовать подобные желания, иначе это – «ничтожное хотение». В этом рассуждении чувствуется скрытая критика Канта, в лице которого бессильные немецкие бюргеры лишь дошли до «доброй воли» и успокоились на ней. Гегель сближается с Фихте и требует активности, деятельности, поступков. Однако активности частных лиц в своих взаимоотношениях и в «сфере духа». И тем не менее, как отметил Маркс, Гегель «современной морали указал ее настоящее место» (9).

Синтезом права и морали выступает нравственность, являясь высшей ступенью развития идеи свободной воли. Сама нравственность расчленяется на три ступени: семью, гражданское общество и государство.

Систематическое «развитие круга нравственной необходимости» имеет, как полагает Гегель, результатом этическое учение об обязанностях. Это учение опирается на реально существующие нравственные и иные отношения, в то время как принцип моральной субъективности пуст и проявляется в разглагольствованиях о должном. Задача человека – не делать ничего другого, кроме выполнения его обязанностей. Соответствие индивида его обязанностям Гегель называет добропорядочностью. Высокой оценки добродетельного человека достоин тот, для кого совершение нравственных поступков становится постоянной чертой характера.

В выполнении обязанностей, налагаемых нравственностью, находит индивид свое освобождение. Гегель приходит к мысли о единстве прав и обязанностей: «Человек обладает посредством нравственности правами постольку, поскольку у него есть обязанности, и у него есть обязанности постольку, поскольку он обладает правами» (10).

Привычка к нравственному выступает для индивидов как их вторая природа. Нравственное выступает как всеобщий образ действия индивидов, как нравы. А также как особый духовный мир человека, обладающий закономерным характером: «Подобно тому как природа имеет свои законы, как животные, растения, солнце выполняют свой закон, так и нравы суть закон духа свободы. Нравы являются тем, чем не являются еще право и мораль, а именно духом» (11).

В качестве самого безнравственного на свете Гегель указывает на семейное рабство, не изжитое до сих пор. «Из всех вообще безнрав-

ственных отношений – отношение к детям как к рабам есть самое безнравственное» (12). Искусством делать людей нравственным выступает педагогика. Одновременно Гегель предупреждает об опасности «играющей педагогики».

Более высокой ступенью развития нравственности выступает гражданское общество. Если семью связывает в единое целое «природный нравственный дух», то в гражданском обществе людей связывает определенная система потребностей. Каждый человек «вынужден производить средства для удовлетворения других». Средством удовлетворения человеческих потребностей выступают «человеческий пот и человеческий труд». В условиях все большей поляризации бедности и богатства «гражданское общество представляет нам... картину столь же необычайной роскоши, излишества, сколь и картину нищеты и общего обоим физического и нравственного вырождения» (13).

Как же должно общество бороться с бедностью, или, в терминологии Гегеля, с чернью? Философ отмечает, что «чернью» делает не бедность, а присоединяющееся к ней умонастроение – возмущение против богатых и правительства, по причине собственных моральных пороков: лени, легкомыслия, отсутствия трудолюбия. Среди причин возникновения «черни» Гегель также называет «роскошь и расточительство промышленных классов», «все большее и большее механизирование труда». Гегель делает такое предложение по борьбе с бедностью: «...наиболее прямым средством, как против бедности, так и в особенности против отбрасывания стыда и чести, этих субъективных основ общества, против лени, расточительности... против всех этих зол является предоставление бедных их судьбе и предоставление им возможности добывать средства к существованию открытым нищенством» (14).

Исключительно большое значение философ придает корпоративной нравственности. «Наряду с семьей корпорация составляет второй, вырастающий на почве гражданского общества, нравственный корень государства». Корпорация – то особенное звено, посредством которого скрепляется частный интерес семьи с всеобщими интересами государства. Именно «...в корпорации добропорядочность получает свое подлинное признание и свою подлинную честь», подчеркивает философ (15).

Высшей ступенью развития нравственной идеи является государство. Для Гегеля государ-

ство – «великое архитектурное здание», «иероглиф разума», «действительность нравственной идеи», «нравственное целое», «осуществление свободы». Для Гегеля государство – это «шествие бога в мире». Естественно, что на вопрос, каким же наилучшим образом нравственно воспитать человека, Гегель отвечает: «...сделав его гражданином государства, в котором господствуют хорошие законы» (16). Личность, семья, корпорация, государство – это шкала возрастающей ценности, в которой государство, в конечном счете, поглощает «единичную личность».

Если в этике Гегеля и нет категорического императива, но все же есть широко известное положение: «Что разумно, то и действительно, и что действительно, то разумно». Существует множество интерпретаций этого положения. Сам Гегель пояснял его следующим образом: «...Подлинная действительность есть необходимость; то, что действительно, необходимо внутри себя» (17). Человек консервативных взглядов интерпретирует это положение консервативно; революционер Энгельс понял Гегеля радикально: «достойно гибели все то, что существует».

Не обошел Гегель и такой проблемы нравственности, как соотношение свободы и необходимости. Спиноза отметил, что свободе противостоит не необходимость, а принуждение или насилие. Согласно Спинозе, воля человека определяется к действию с необходимостью (и, следовательно, свободы воли как таковой не существует), но человек, тем не менее, действует свободно, если он осознал необходимость своего действия.

Размышляя над этой проблемой, Гегель замечает, что «довольство и недовольство людей и, следовательно, сама их судьба определяются характером их воззрения на природу необходимости» (18). «Конечно, необходимость как таковая, – рассуждает далее философ, – еще не есть свобода, но свобода имеет своей предпосылкой необходимость и содержит ее в себе как снятую» (19). Гегель рассматривает всемирную историю как «прогресс в сознании свободы», а свободу как познание и понимание необходимости.

У Гегеля собственный взгляд на решение проблемы теодицеи, т. е. на то, как «оправдать бога» от обвинений в допущении зла. По Гегелю, в «религиозно-мифологическом представлении происхождение зла не постигается», поскольку зло полагается здесь как нечто внеш-

нее по отношению к богу – творцу мира, обладающему лишь положительными атрибутами. Но мысль не может удовлетвориться этим, она «стремится понять отрицательное, как коренящееся в самом положительном» (20).

Соглашаясь с тезисом Канта об «изначально злом в человеческой природе», Гегель поясняет: «Зло, взятое только для себя, есть некоторая абстракция, оно существует только в противоположность добру... Само зло есть одно пустое ничто, оно существует только в этой противоположности» (21). Источником зла, как и добра, является свободная воля с ее внутренней противоречивой природой. Единичный субъект, безусловно, несет вину за свое зло, ибо он сам делает выбор между добром и злом. Вместе с тем человек не обречен на сотворение зла: природа зла такова, что человек может его хотеть, но не необходимо должен его хотеть.

Миф о грехопадении человека Гегель поддерживает: человек стал злым благодаря познанию. Райское состояние – неведение – состояние животного. По причине зла, нарушения божественного запрета, человек вообще становится человеком. Отсюда следует, что «познание само есть зло» и что «человек бессмертен благодаря познанию». Человек должен создавать себя своим трудом, трудясь как «в поте лица», так и совершая еще более тяжкий «труд духа». Гегель особо отмечает, что «христианское учение, согласно которому человек зол от природы, стоит выше другого учения, признающего его добрым...» (22). Энгельс резюмирует: «У Гегеля зло есть форма, в которой проявляется движущая сила исторического развития». Всякий новый шаг вперед является бунтом против отживающего. Одновременно «рычагами исторического развития сделались дурные страсти людей: жадность и властолюбие» (23). Вместе с тем истинное добро, всеобщий божественный разум, по Гегелю, являются силой, способной осуществить себя в мире. Но следует не только желать добра, но и знать «является ли то или иное добром».

По Гегелю, в «механизм» поведения человека в обществе входят еще два момента: идея и человеческие страсти. Соединяются оба момента нравственной свободой в государстве. Гегель приходит к выводу: «Бог правит миром». В руках «мирового разума» люди остаются слепыми орудиями. В истории происходит соединение свободы как сознательного, так и необходимости как бессознательного в деятельнос-

ти человеческого рода. Гегелевский «разум», предоставляя человеку «свободу», нередко требует за это непомерную цену. Причем цена реальна, а свобода иллюзорна. Гегель называет «хитростью разума» те исторические обстоятельства, когда мировой разум использует страсти людей для достижения своих, только ему известных целей. С наибольшей хитростью разум использует страсти «героев истории», выдающихся личностей. Такие люди были «доверенными лицами всемирного духа».

Если Кант пишет и стремится «к вечному миру», то Гегель обосновывает тезис об исторически закономерном возникновении войны. «Война предохраняет народы от гниения, которое непременно явилось бы следствием продолжительного, а тем паче вечного мира» (24). Но это философская идея, добавляет Гегель, «действительные войны нуждаются еще и в другом оправдании». Речь идет о конкретно-историческом подходе к ситуации Германии начала XIX века. Завоевательные войны Наполео-

на пробудили национальное самосознание немецкого народа и привели к утверждению буржуазных порядков в полуфеодальной стране.

В этическом наследии Гегеля различают «живое» и «мертвое». В Гегеле видят великого революционера и великого консерватора. Эти же люди видят революционера в Джордано Бруно и консерватора в Галилео Галилее. Провозглашая великие принципы, обязательно ли за них идти на эшафот? Правильно ли делали коммунисты, заставляя русских людей идти в полный рост без оружия на немецкие пулеметы?

Оценивая этику Гегеля, Н.Г. Чернышевский скажет: «Принципы Гегеля были чрезвычайно мощны и широки, выводы – узки и ничтожны» (25). Время радикальных революционеров прошло. Мы соглашаемся с Г.В. Плехановым, который сказал: «...Этика Гегеля была крупным шагом вперед, сделанным философией в области научного объяснения нравственного развития человечества» (26).

Список использованной литературы:

1. Гулыга А.В. Немецкая классическая философия. М., 1986. С. 215.
2. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: В 2 т. Т. 1. М., 1971. С. 174.
3. Гегель Г.В.Ф. Политические произведения. М., 1978. С.336.
4. Гулыга А.В. Немецкая классическая философия. М., 1986. С. 221.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 159.
6. Гегель Г.В.Ф. Соч. Т. 7. С. 128.
7. Гегель Г.В.Ф. Соч. Т. 10. С. 36.
8. Гегель Г.В.Ф. Соч. Т. 7. С. 143.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 345.
10. Гегель Г.В.Ф. Соч. Т. 7. С. 188.
11. Гегель Г.В.Ф. Соч. Т. 7. С. 186.
12. Гегель Г.В.Ф. Соч. Т. 7. С. 203.
13. Гегель Г.В.Ф. Соч. Т. 7. С. 213.
14. Гегель Г.В.Ф. Соч. Т. 7. С. 255.
15. Гегель Г.В.Ф. Соч. Т. 7. С. 260.
16. Гегель Г.В.Ф. Соч. Т. 7. С.188.
17. Гегель Г.В.Ф. Соч. Т. 7. С. 289.
18. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. М., 1975. С. 326.
19. Там же. С. 337.
20. Гегель Г.В.Ф. Соч. Т. 7. С. 169.
21. Гегель Г.В.Ф. Философия религии: В 2-х т. Т.2.М., 1977. С. 266.
22. Гегель Г.В.Ф. Соч. Т. 7. С. 46.
23. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 296.
25. Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 205.
26. Плеханов Г.В. Избранные философские произведения: В 5-ти т. Т. 3. С. 650.